

Селезнева Анастасия

СМОТРИТЕЛЬ

Анастасия Селезнёва

Смотритель

<https://litres.ru/73363678>

SelfPub; 2026

Аннотация

ОСТАНОВИСЬ. ОБЕРНИСЬ. НЕ ДЫШИ.

Иногда тишина — не пустота. Это затаившееся дыхание иного мира. И оно помнит твоё имя. Тишина в доме становится звонкой и внимающей. Что-то зовет не по имени, а по крови.

«Смотритель» — это история о том, как прошлое прорастает сквозь асфальт настоящего. О долге, который тяжелее наследства. О любви, что якорь — или крюк, за который тьма вытащит тебя на свою сторону. Это медленный, гипнотический триллер, где самый страшный монстр — это правда, которую ты всегда знал, но боялся себе признать. Граница между мирами проходит не в тёмном лесу, она проходит внутри тебя.

Содержание

Предисловие	4
Пролог	7
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анастасия Селезнёва

Смотритель

Предисловие

Дорогой читатель, прежде чем ты перевернёшь эту страницу и шагнёшь в мир, что ждёт тебя впереди, я хочу задать тебе один вопрос. Загляни вглубь себя. Прислушайся к тихому стуку в груди — к тому ритму, что сопровождает тебя от первого вдоха и до последнего. Что ты знаешь о своём сердце? Ты веришь, что оно принадлежит лишь тебе?

Мы живём, уверенные в том, что наша судьба — это лишь цепь наших собственных решений и случайностей. Мы строим планы, любим, теряем, боимся того, что можем увидеть в тёмной комнате или в подворотне незнакомого города. Но мы редко задумываемся о самой глубокой и самой близкой комнате — о нашей собственной душе. О тех невидимых путях, что пролегают сквозь поколения, связывая нас с давно уснувшими предками и с теми, кто ещё не родился.

Эта книга — не просто история о призраках. Это притча о наследственности. О долге, который мы не выбирали, но который, как генетический код, заложен в саму нашу суть. Каждый из нас, сам того не ведая, может быть хранителем своего рода. Хранителем какой-то старой семейной тайны.

Хранителем боли своих родителей. Хранителем земли, на которой родился.

Мы пытаемся спрятать свои ошибки, закопать их поглубже. Но что, если существуют законы куда более древние и непреложные, чем человеческие? Что, если наша реальность — абстракция, ключ, способный отпереть дверь, которую столетиями берегли наши предки? И за этой дверью ждёт не пустота, а нечто огромное, безликое и справедливое, что требует расплаты за все наши действия?

Можно быть кем угодно — инженером, учителем, художником. Мы можем жить в огромном городе и отрицать всё, что нельзя пощупать или объяснить формулой. Но однажды жизнь может поставить тебя перед фактом. По роду твоему тебе положено нечто, что перечеркнёт всю твою прежнюю жизнь. Может, тебе суждено хранить старую картину, за которой охотятся тёмные силы. Или продолжить дело прадеда — знахаря, умевшего заговаривать ветер. А может, в твоих жилах течёт кровь того, кто дал обет молчания, чтобы мирно спали сущности по ту сторону бытия.

И когда это знание придёт к тебе, ты поймёшь: твоё сердце никогда не билось только для тебя. В его ритме — эхо шагов твоих предков. В его тишине — зов той самой границы, что отделяет знакомый мир от чего-то иного. И этот зов рано или поздно услышит каждый, потому что родовая память — самая сильная и самая живая из всех теней. Она не дремлет. Она ждёт.

Откроем же эту дверь. Сделаем шаг. И помним: пока бьётся наше сердце, кто-то или что-то всегда будет стоять на страже тех тонких граней, что находятся внутри каждого из нас. Вопрос лишь в том, по какую сторону границы находимся мы сами.

«Смотритель» – это зеркало, поднесённое к лицу читателя. В нём отражается не монстр из-за плеча, а тень, которую мы сами отбрасываем.

Эта книга о том, что самое тёмное место находится не на старом кладбище, а в самых потаённых уголках нашей души, куда мы так сильно иногда боимся заглянуть.

* * *

Здесь правды в ногах нет. Она вся под ними. И помнит каждый шаг.

Пролог

Владимир вернулся с ночного обхода позже обычного. Осенний ливень, заставший его врасплох на окраине кладбища, промочил его насквозь. Серая мантия, та самая, что он надевал только для этих целей, тяжело обвисла на его плечах, впитывая воду и холод, словно вторая кожа. Отяжелевшая ткань шлёпала по грязи двора, когда он, сгорбившись, пробирался к летней кухне. В дом идти не хотелось — не будить же семью из-за своего промокшего вида. Да и подумают, что дед совсем с ума сошёл со своими ночными походами. Он пригладил свои седые волосы и протёр лицо полотенцем. Владимир был старым, но не дряхлым. Глаза его голубые были спокойными, даже слишком, для человека, который знал, что его смена давно задержалась. Лицо изрезано морщинами, напоминало карту местных троп — каждую ямку, каждый поворот, который он знал наизусть.

Воздух в кухне пах дымом, сырым деревом и остывшей золой. Руки, привыкшие к тяжести, слегка тряслись. Жажда гнала его к столу. Он налил в гранёный стакан воды из глиняного кувшина и залпом выпил, чувствуя, как холодная влага растекается по измождённому телу. В этот миг он был просто усталым стариком, а не Смотрителем.

Именно в эту секунду, когда он поставил пустой стакан на стол, пространство в углу кухни, у глухой стены с металли-

ческой дверцей дровяной печи, содрогнулось.

Воздух застыл, а потом будто бы треснул — не громко, а с тихим, похожим на хруст льда, звуком. Из ничего, из самой пустоты, возникла Тень. Сначала она была бесформенной, но в мгновение ока обрела плоть, шерсть и леденящую реальность. Владимир медленно и настороженно повернулся в сторону шума. Он почувствовал не гордость, а тяжелое и чистое смирение, как речной булыжник. В нём крылся страх и вина, но дед держался перед вечностью, что явилась к нему, достойно.

Перед ним стояла собака. Огромная, почти неестественных размеров, породы, которую он не мог определить. Всё её существо было окрашено в цвет абсолютной тьмы, будто её вырезали из самого сердца этой осенней ночи. Шерсть её была мокрой, с неё на пол капала вода, но пахла она не дождём, а мёртвой глиной и озерной тиной. Но самое ужасное были её глаза. Они не отражали света. Это были две бездонные пустоты, в которых не было ни злобы, ни ярости — лишь холодная, безразличная вечность. Она смотрела на него. Не сводила с него этого пустого взгляда.

Владимир замер, и ледяная волна страха, какого он не знал даже в самые тёмные ночи на погосте, поднялась от копчика к затылку. Он понял. Это был не зверь. Это был Приговор.

– Ну вот и всё. – сказал он вслух, догадываясь. – Цепь оборвалась.

Пора.

Собака не зарычала. Она лишь чуть присела на мощных задних лапах, и всё её тело напряглось, как тетива лука. Затем она прыгнула. Это не было нападением в привычном смысле. Она не стремилась вцепиться в плоть. Её траектория была прямой, неотвратимой, словно падающий камень. Владимир не успел даже вскрикнуть. Чёрная туша пронзила его, прошла сквозь его тело, будто он был сделан из дыма и тумана.

В тот миг он не почувствовал боли. Лишь всепоглощающий, выворачивающий душу наизнанку холод. Ему показалось, будто громадные, невидимые челюсти сомкнулись в его груди, вырывая из него что-то самое главное, горячее и живое — саму суть его, его душу. Он увидел, как чёрная спина пса, прошедшая сквозь него, уже несётся к стене, к той самой металлической дверце печи, что вела в раскалённое нутро.

Собака не замедлила. Она не растворилась. Она впрыгнула в чёрное, покрытое копотью железо, и поглотилась им, словно вода впитывается в сухую землю. И исчезла.

Тишина.

Владимир пошатнулся. Его руки беспомощно повели в воздухе, пытаясь найти опору, которой не было. В глазах потемнело. Он не чувствовал пола под ногами. Последним, что он увидел, прежде чем тьма поглотила его сознание, была его собственная рука, медленно падающая вместе с ним. И его кожа на лице и руках... она внезапно стала сухой и рассыпча-

той, словно пепел, словно пыльца бабочки, готовая осыпаться от малейшего дуновения.

Он рухнул на заскрипевшие половицы. Его тело упало с глухим, мягким стуком. Серая мантия, накрыла его тело, и с её края упала на пол последняя капля дождевой воды. А на полу, ведущие от тела к печи, отчётливо виднелись мокрые следы огромных собачьих лап. Следы, которые обрывались у самой железной дверцы, будто зверь, их оставивший, шагнул прямо в само пекло. Или вернулся туда, откуда пришёл.

* * *

Прошло около десятка лет с момента случившегося...

Скажу сразу: в этом месте меня никто не ждал, и приезжих здесь не любили... Речь идёт о Сосновке – маленьком посёлке, что располагался в пятнадцати километрах от города. И вообще-то я была почти местная, только приехала сюда на выходные с противоположной стороны мегаполиса. Но это не имеет никакого значения, если у тебя нет никаких родственных связей с этими землями. Ты чужой. Да и «своей» я становиться не собиралась. Я всего лишь гость на эти выходные, чтобы присмотреть за пустым домом Марка и его родителей. Там меня ожидала уже голодная кошка и несколько больших аквариумов с морскими рыбками.

Его отец и мать улетели отдыхать за границу раньше за пару дней, чем Марк – мой мужчина, успел вернуться из дальней командировки. Причём, он может приехать в любой неожиданный момент. Как только сдадут построенный объ-

ект, он тут же окажется дома. Рядом со мной. И уже вскоре мы сможем приобрести собственное жильё.

* * *

Я медленно вела машину по одной из немногих улиц этого посёлка, и мне казалось, что я не просто еду по мокрой дороге, а плыву по тёмной, густой реке, которая не хочет меня пропускать.

Вокруг ощущалась немая неприязнь, что исходила от каждого дома сквозь окна. Я чувствовала на себе взгляды местных, острые, как иголки упавших елей. Казалось, не только люди, но и сами многовековые стволы хвои смотрят на меня с злобным укором. А потом я увидела её... Старуха возле колодца с корзинкой яблок на фоне угрюмой еловой рощи. Сидела, как корень древнего и злого дерева, вросший в эту горную почву, и провожала машину отвергающими глазами. Чуть дальше по дороге, у забора, почти сливаясь с тенью громадной пихты, стоял дровосек. Он точил топор и смотрел на меня исподлобья, настороженным и любопытным взглядом. Местные рыбаки с богатым уловом форели даже не обратили внимания и направились по своим делам, а кое кто просто отвернулся и, молча, ушёл к себе домой.

Я открыла окно чтобы подышать воздухом и немного себя успокоить. Это первый раз, когда я остаюсь ночевать в большом доме семьи совсем одна... Ну, а местный воздух – это нечто прекрасное. Он приятно пах хвоей и свежей выпечкой, что разносилась ото всюду. Сложно поверить, что город от

сюда находился совсем близко...

Сосновку называют «спальный район», но для меня это живой организм, дышащий богатой историей прошлого. Здесь, под черепичными крышами новых деревянных или каменных домов, бьётся сердце старого хутора, словно гибрид прошлого и настоящего. И память о старых заборах хранится в тени новеньких гаражей, как запах моего утреннего, допитого кофе, сменившегося на запах только что сожжённой сухой листвы напротив дома Марка, у соседа – крепкого старика Филиппа.

Ростом Филипп где-то под два метра, с широченными плечами и мощными, хоть и иссушенными возрастом, руками. Ладони огромные, пальцы толстые и цепкие. Создаётся впечатление, что он может согнуть подкову без всякого инструмента. А голос низкий, глубокий и уверенный, как сильные удары по наковальне. Где, собственно, он и работал всю жизнь, создавая в кузнице не только различные металлические инструменты, но и ритуальные изделия – кресты, ограды, элементы для часовен. Сейчас его мастерская давно закрыта, но он до сих пор хранит некоторые свои изделия, как старые реликвии. И кстати, он оказался один из немногих приветливых людей в этом районе.

– Доброе утро, Анна! – махнул он рукой, переходя через дорогу, ближе ко мне.

– Здравствуйте. – я улыбнулась и прекратила свою суету возле машины, перед выездом в город.

– Уже на хозяйстве, смотрю осталась.

– Да, вот...

Филипп уже знал меня, и пусть совсем не много, но относился с каким-то теплом и заботой, как будто я была для него дальняя родственница. Скорей всего потому, что жилось ему совсем одиноко... И самое интересное то, что ему никто не сообщал о моих планах на эти выходные. Вероятно, он об этом догадался сам – дома никого не оставалось, и приехала я.

Мой взгляд привлекла к себе его собака – большущий породистый пёс, Немецкой овчарки. Гораздо больше нормального размера и мохнатей, чем другие – настоящий медведь. Его умные янтарные глаза внимательно и без суеты следили за происходящим вокруг, словно сканируя местность на предмет угроз.

– И тебе привет, Дозор. – обратилась к нему я, как к полноценному жителю посёлка.

Собака осторожно обнюхала меня. Я старалась не дотрагиваться до него, уж слишком характерный пёс. Он был очень важным: не проявлял ни беспокойства, ни интереса к посторонним... И даже являлся воплощением волевого спокойствия. Дозор всегда вызывал всеобщую симпатию.

– Как ваши дела? – спросила я.

– Живём потихоньку. – хмыкнул Филипп, отмахнувшись.

– Кажется, он никогда не привыкнет ко мне. – сказала я, указывая на собаку.

– Он только со мной бывает другим... Марка ещё признаёт, а так, ни к кому не подходит. – Старик потрепал его за ухом и хлопнул пару раз по бочине, пока тот уселся рядом. – Марк ведь спас его несколько лет назад от смерти и подарил мне. В канаве сидел зимой. Щенком ещё...

– Да, я помню. Он рассказывал. Какая у Дозора красивая цепь!

– Да... – протянул дед. – На ней даже есть гравировка с именем. Сам сделал.

– Восторг!

– Хочешь оладьи? Только что испёк. Пышненькие получились! Дозор сразу половину слопал.

– В следующий раз, обязательно. Сейчас не могу.

Филипп обратил внимание, что я тороплюсь и не заставил меня задерживаться ещё больше:

– Ты если на работу едешь, то лучше пораньше сегодня возвращайся. – сообщил он. – На выезде в город дорогу чинят, и после восемнадцати часов всё встанет намертво. Сегодня пятница.

– Спасибо, что предупредили! – искренне поблагодарила его я. – Постараюсь успеть до шести.

Марк предупреждал об этом заранее вчера по телефону, и я это помнила. И пусть, Филипп сообщил мне об этом ещё раз... Всегда кстати.

– Успей, – одобрительно кивнул пожилой мужчина, – Что ж, хорошего дня тебе, Аня.

– Спасибо. И вам, Филипп Игнатыч.

– Не надо! – отмахнулся хозяин собаки. – Просто Филипп.

Молодой ещё!

И сам посмеялся, заставляя меня улыбнуться ещё раз.

Старик уже направлялся к дому, и Дозор, словно по невидимой команде, плавно и молча поднялся с места и направился следом.

– Как прошёл твой день моя дорогая? – раздался бархатный голос Марка по той стороне линии. – Звоню по-быстро-му, я ещё на объекте.

– День не плохой, радуюсь началу выходных... А вот вечер подвел немного, пришлось задержаться в офисе со сметой. – досадно ответила ему я. – Теперь стою в пробке перед посёлком.

– Спасибо, что согласилась присмотреть за живностью.

Голос Марка был таким тёплым и ласковым, что на мгновение показалось, будто он совсем рядом, а не за много километров от этого бесконечного затора. И чтобы лучше слышать его, я надела наушник. Ведь так и удобнее было общаться за рулем.

– Мне не сложно.

– Я люблю тебя, Энн.

– И я тебя. – мне стало немного печально. Мы не виделись уже долгое время, и ожидание приезда Марка начинало сводить с ума. – Когда ты вернёшься? – спросила я.

– Уже завтра могу выехать... – ответил Марк, и тут же

добавил. – Может, послезавтра. Тут не совсем немного осталось...

– Прекрасно! Всё не дождусь, чтобы обнять тебя. Я так устала...

– Я тоже. Всё позади. – тут Марк озвучил совсем другую тему для разговора. – Мне такой сон странный приснился... Целый день о нём думаю.

– Какой сон? – поинтересовалась я.

– Мне приснилось, что огромная собака, тёмная такая, появилась передо мной из ниоткуда и прыгнула прямо на меня. Причём, прыгнула и проскочила насквозь... Она будто бы выхватила из меня душу и утащила за собой в пустоту.

– Собака, обычно, означает верного друга... Всё хорошо. Остальное – лишь игра подсознания.

– И кстати, я видел себя со стороны во сне.

– Такое бывает иногда. Но, соглашусь, необычно... Ты смотрел фантастику перед сном?

– Нет. Уснул вечером, как убитый.

– Хм...

– Да ладно, не суть... Просто хотел рассказать. – отмахнулся Марк. – А сейчас, слушай меня внимательно, – начал он, и в его тоне не было и тени шутки. – Я приеду, выйду из машины и первое, что я сделаю – это прижму тебя к себе так крепко, что ты забудешь, как дышать! Буду держать тебя в своих объятиях и никуда больше не денусь. А ночью... ночью буду прижиматься к тебе ещё сильнее, чтобы даже во

сне ты чувствовала, что я рядом.

Слова меня слишком затронули, и по телу пробежали мурашки.

– Ух, скорее бы. Я тебя очень жду.

– Мне нужно бежать! – его тон резко изменился на настояренный. – Технадзор приехал. Будь осторожна в дороге. Люблю!

– Люблю. До связи. – успела отрезать я, и звонок резко прекратился.

Связь прервалась. Я осталась одна в тишине салона моего автомобиля. В бесконечной веренице красных фар длинного ряда... Пробка не собиралась двигаться.

Через пятнадцать минут нервного ожидания я поняла, что так могу простоять ещё один час. Побарабанив пальцами по рулю, я приняла решение оказаться дома немного быстрее.

Я вспомнила слова Филиппа и Марка, и резко свернула на обочину, решила объехать затор по старой дороге, что шла через холмы сельского кладбища среди высоких хвойных деревьев.

Дорога там была узкой, без освещения, и октябрьская тьма сгушалась стремительно. Высокие оголённые деревья по бокам напоминали скрюченные пальцы, цепляющиеся за серое небо. В свете фар мелькали старые покосившиеся кресты и ограды, и мне стало не по себе ехать одной в такой гнетущей тишине. Даже казался где-то мистический свист... Чтобы побороть нарастающую панику, я нажала на газ, ста-

раясь быстрее вырваться из этого места. Машина набрала не маленькую скорость, и очень сильно пылила.

Внезапно из-за куста на обочине прямо перед машиной метнулась тёмная, массивная тень. Я успела лишь крикнуть от неожиданности и резко ударила по тормозам, но было поздно.

Раздался глухой, страшный удар о передний бампер, от которого всё внутри похолодело. Машина дёрнулась и замерла. Сердце бешено колотилось. Сначала я не поняла, во что попала. Кажется какое-то животное... Может, лось? Или медведь? Я сжала руль, пытаюсь перевести дыхание. Из машины было страшно выходить. Вокруг никого не было, кроме той чёрной лежащей тени.

Вцепившись крепко в руль, я, долго и молча, приводила своё сознание в норму. Сбравшись с духом изо всех сил, я осторожно вышла из машины словно в тумане. В свете стоп-сигналов и тусклых передних фар, лежала тёмная и огромная туша собаки. Я медленно подошла, моё сердце остановилось. Ледяная волна ужаса накатила на меня, отняв дар речи и способность дышать, парализуя. Перед машиной лежал неподвижно огромный пёс Немецкой овчарки. Огромный и лохматый. Первое, что мне пришло в голову, хотелось полностью отрицать. Таких собак водится много... Но я увидела знакомую цепь на мощной шее. И подошла ещё ближе, чтобы осмотреть. Перевернув толстую цепочку, где торчала мелкая табличка, виднелась гравировка... Сознание расплы-

лось ещё сильнее. На табличке виднелось – «Дозор».

– Нет же!.. Нет! – мир сузился до одной точки, и тогда на меня обрушилось всё и сразу, волна паники, такая мощная, что дальше я не различала собственные звуки громкого отчаяния и адской боли. – Дозор, мальчик!..

Собака была мертва.

Это осознание – полное, окончательное и бесповоротное сломало меня. Везти овчарку в ветеринарную клинику стало безнадежной идеей. Секунды, доля мгновения на помощь ей упорхнули от меня сразу. А были ли они?.. Ей нельзя уже было помочь. Я схватилась за голову и выругалась.

– Да что же это такое?!.

Сдавленный рык сорвался с моих губ. Рухнув на колени на холодный гравий, не в силах смотреть ни на Дозора ни на дорогу, сжавшись от ужаса и всепоглощающего стыда, от бессилия и пронзительной жалости.

Моё тело колотило, как от северного мороза. Собаку было невероятно жаль, и хотелось, чтобы она как в сказке, как по волшебству ожила... Этот невероятный пёс лежал здесь по моей вине! В голову сию секунду ударили мысли о Филиппе – хозяине пса, который относился ко мне с искренней добротой; о том, как он любил своего Дозора; и о Марке, который всего около получаса назад шептал о любви. Теперь, его тёплые слова казались мне невыносимым упрёком.

Какое-то время мне пришлось успокоиться. Мысль о том, чтобы оставить его здесь одного на холодной земле, чтобы

его нашли или, что хуже, не нашли вовсе, была даже страшнее того, что я совершила. Нельзя оставлять его здесь. Дозора нужно увезти от сюда.

Поднявшись на ватные ноги, я села на водительское сидение и развернула машину, открыла багажник. Собака лежала неподвижно, я мгновение простояла над ним, молча, соображавшись.

Наклонившись, мне удалось подсунуть под него руку. Он был невероятно тяжелым. Таким же мощным и неподъёмным, как и его хозяин. Это была не живая плоть, а гиря из свинца. Я вздохнула и напрягла все свои силы, рывком приподняла его переднюю часть и уложила в пространство багажника. Затем с нечеловеческим усилием подтянула и заднюю часть.

– Прости меня, мальчик... Прости пожалуйста!.. – шептала я собаке. – Не хотела я!.. – и пригладила его ладонью, понимая, что никакие мои мольбы о прощении уже ничего не исправят.

Крышка багажника захлопнулась. Звук замка прозвучал как приговор. И мне казалось, что я везу домой не пса, а всю тяжесть ошибки, всю черноту этой наступающей ночи. Я везла свой кошмар.

Когда я ехала к дому Марка, не смотрела в зеркало заднего вида. Просто уставилась вперед на тёмную дорогу. Один единственный вопрос стучал в висках в такт работе мотора:

«Что я теперь буду с этим делать?»

* * *

За окном офиса давно потемнело, растворив в ночной густоте суетливый силуэт городка. В его кабинете горел лишь свет настольной лампы, отбрасывая тёплый круг на столешницу, заваленную чертежами и рукописями. Воздух был густым и неподвижным, пахнувшим старой бумагой, пылью и напряжённой мыслью.

Марк откинулся в кресле, проводя рукой по уставшим глазам. Перед ним, аккуратно разложенные, лежали страницы из старой кожаной шкатулки — наследие его деда Владимира. Он нашёл эту шкатулку в подвале, перед отъездом в вахтовый городок... Схемы разного размера кругов, испещрённые непонятными символами, заметки о «пограничных точках» — всё это складывалось в картину, которая будто дразнила его, не желая открывать свою суть. Он чувствовал холодок по спине.

Его дед, всегда такой практичный и земной, оказывается, по ночам он занимался... чем-то, что не поддавалось логике.

Тихой поступью, почти бесшумной, дверь в кабинет открылась. В щели света из коридора возникла фигура. Это была Лика. Её рыжие, огненно-медные волосы, распущенные по плечам, казались единственным источником тепла в этой холодной, ночной тишине. Они лежали тяжёлыми, волнистыми прядями, отливая золотом в полумраке. В её руках была небольшая тарелка, на которой с простой, почти деревенской щедростью лежали ломтики тёмно-розовой мясной

вырезки, несколько кусков душистого зернового хлеба и пару ломтиков выдержанного сыра.

— Марк, вы всё ещё здесь? — её голос был тихим, бархатным, намеренно приглушённым, чтобы не спугнуть его сосредоточенность, но в нём слышались нотки заботливой сокровенности. — Я видела свет и не смогла уйти, зная, что вы здесь один.

Она вошла, и лёгкий шлейф нежного, цветочного аромата — не терпкий парфюм, а скорее запах дорогого мыла или лосьона — всколыхнул спёртый воздух. Её платье, простое и строгое по крою, мягко облегалo формы, и когда она наклонилась, чтобы поставить тарелку на свободный угол стола, движение её было исполнено невольной грации.

— Принесла вам поесть, — Лика подвинула тарелку так, чтобы она оказалась прямо в поле его зрения, рядом с его рукой. — Вы же с обеда ничего не брали. Нельзя так, Марк. Заботиться надо о себе.

Марк взглянул на неё, и на его уставшем лице на мгновение дрогнули суровые черты, смягчившись.

— Спасибо, Лик, — он отложил в сторону злополучный листок. — Просто разбираю кое-какие... семейные архивы.

Она скользнула взглядом по разложенным схемам, и в её зелёных глазах мелькнуло неподдельное любопытство, смешанное с лёгкой тревогой. Она сделала маленький шаг ближе, чтобы лучше рассмотреть, и её плечо оказалось в сантиметре от его руки.

— Ох, — тихо воскликнула она, и в её голосе прозвучал профессиональный интерес. Как ведущий проектировщик-конструктор, она не могла не отреагировать на столь необычные чертежи. — Странная геометрия... Не похоже ни на один расчётный план, что я видела. Выглядит как древние манускрипты. — Она улыбнулась, и её улыбка озарила всё пространство вокруг, словно маленькое солнце, пытаясь растопить лёд его сосредоточенности. — Вы похожи на учёного, разгадывающего шифр да Винчи. Такое сосредоточенное... и красивое лицо.

Последние слова она произнесла чуть тише, почти шёпотом, и тут же, будто смутившись, перевела взгляд на тарелку.

— Ешьте, пока не остыло. Эта вырезка вам так нравится, я помню.

Марк коротко усмехнулся, с наслаждением отламывая кусок хлеба. Аромат свежей выпечки и балыка наконец перебил запах старины.

— Нечто подобное, — сказал он. — Только шифр, кажется, оставил мой дед. И я не могу понять, что он означал.

— Может, ему просто нравилось рисовать круги? — мягко пошутила она, и на этот раз её пальцы, тонкие и изящные, легонько коснулись края старого листа, как бы невзначай, почти соприкоснувшись с его рукой. — Или, может, отложите эту головоломку и немного отдохнёте? Я, как конструктор, знаю: иногда нужно отойти от задачи, чтобы увидеть решение.

Марк покачал головой, его взгляд снова стал отсутствующим, устремлённым вглубь себя. Он не отреагировал на её лёгкое прикосновение и полунамёк.

— Нет. Это что-то другое. Что-то... серьёзное.

Он не видел, как на её лице на мгновение мелькнула тень разочарования, как её плечи опустились на едва заметный миллиметр. Но она тут же снова улыбнулась, пряча свою уязвимость.

— Не засиживайтесь слишком допоздна, хорошо? — её голос прозвучал ласково и чуть настойчивее, чем раньше. — Завтра тяжёлый день. Дорога. И... позвоните, если что. Неважно, во сколько.

— Хорошо, — отречённо кивнул он, уже мысленно возвращаясь к загадочным кругам. — Ещё раз спасибо за ужин.

— Всегда пожалуйста, Марк, — прошептала она, и в её голосе слышалась безмолвная просьба, чтобы он наконец услышал не просто слова, а её. — Спокойной ночи.

Она вышла так же тихо, как и появилась. И тут Марк, сам того не ожидая, поднял на мгновение взгляд и посмотрел ей вслед. Его взгляд, полный усталой сосредоточенности, был окрашен новым оттенком — то ли мимолётным интересом, то ли лёгким замешательством. Он видел, как в проёме двери скользнул её изящный силуэт, и на секунду его отвлекла эта картина: яркое, живое, настойчивое пятно в его монохромном, загадочном мире.

Но дверь закрылась. И в наступившей тишине его мысли,

словно по накатанной колее, сами собой понеслись домой. К родной улыбке, к тёплому свету в глазах, к тому чувству абсолютного дома, которое он испытывал только рядом с одной девушкой. Ему вдруг до боли захотелось бросить всё это — и странные чертежи, и утомительную работу, и этот кабинет — и просто быть рядом со своей светловолосой голубоглазкой. Уткнуться лицом в её волосы и забыться. И он с внезапной остротой подумал, как хорошо, что она не видит и не знает, какое порой внимание ему приходится терпеть от некоторых коллег. Её мир, их мир, должен оставаться чистым и неприкосновенным.

И когда дверь закрылась, он снова остался один. Тихие, тёплые попытки прикоснуться к его миру, которые принесла с собой Ли́ка, разбились о холодную, необъяснимую тайну, что смотрела на него со страниц, исписанных рукой его деда.

— Ты инженер. — проговорил он вслух себе. — Тогда, думай, как инженер...

Марк открыл на компьютере электронную таблицу с ячейками и начал вбивать даты, в другом столбце, напротив, начал заполнять события или наблюдения своего деда, в ещё одной графе заметки из местных старых газет. Он создал базу данных.

«Обход восточной границы. Тишина неестественна. Сила беспокойна.»

3 марта 2007 года. *Запись: «Завеса истончилась. Тени у колодца. Они смотрят».*

Местная газета через неделю поместила на последней полосе крошечную заметку о загадочной болезни скота у местного фермера —

животные неделю отказывались от воды и погибали от жажды, затем всё пришло в норму само собой.

Марк увеличил масштаб. Он построил график, наложив активные даты из дневника на статистику вызовов «скорой помощи» в посёлке по поводу внезапных мигреней, приступов необъяснимой тревоги и скачков давления. Кривые повторили друг друга с пугающей точностью. Взгляд Марка упал на последнюю запись, которую он внёс в таблицу. Дата гибели Владимира. Он медленно вбил её в поисковую строку архивов погоды. Результат заставил его кровь остановиться.

В ту ночь, когда его деда нашли мёртвым в летней кухне, местная метеостанция зафиксировала уникальное явление: абсолютный штиль при грозовом фронте и резкий, ничем не обоснованный скачок атмосферного давления, после которого барометры вышли из строя на шесть часов.

Марк закрыл глаза. Теперь он понимал. Он имел дело не с бабушкиными сказками. Он столкнулся с физическим явлением. С энергией, которая влияла на погоду, на здоровье людей, на саму реальность. Вероятно, дед изучал науку и энергию природы, предполагал Марк. Может, он был учёным, посвятившим жизнь изучению и сдерживанию этой энергии? Странно... При жизни ни единого намёка.

«10.10.1998. Чувствую, как земля дрожит под ногами».

Другая запись: *«12.09.2003. Утром – пять человек в посёлке с хриплым кашлем и сильной одышкой. Задыхались. Доктор поставил им аллергию. Но это сила выжимает влагу из лёгких, проверяя границы. Они посещали территорию после заката. Сварил им травяной отвар. Помогает.»*

Теперь, читалась запись о личных страхах и переживании-ях: *«Сегодня сила попыталась говорить голосом моей покойной жены. Я чуть не открыл ей дверь. Стыд сжигает меня.»*

Следующая страница:

«Она боится чистого железа, но только того, что выковано с молитвой. Филипп выковал несколько образцов.»

– Ты чем был занят таким, дед?... – задумчиво сказал Марк, делая акцент на каждое слово с пугающей настороженностью. – А значит, Филипп в теме, получается...

Взгляд Марка снова упал на последнюю, самую страшную запись, которую он внёс в таблицу. Дата гибели Владимира:

«...сегодня. Сила пришла за долгом. Я обманул её, отдав пса. Но она узнала. Она всегда узнаёт. Чувствую, как стучит в мою кровь... Жажда мучает.»

Марк вспомнил как дед лежал на полу мёртвый... Голова гудела от перенапряжения, глаза слезились от долгого вглядывания в потёртые строки.

Он откинулся на спинку кресла, провёл ладонями по уставшему лицу, и понял, что пора сделать перерыв. Документы съехали на край стола, и он потянулся к мобильному,

его пальцы на ощупь нашли знакомый номер, сохранённый под коротким именем «Энн».

* * *

Я въехала во двор, заглушила двигатель и несколько минут сидела в полной темноте и тишине, прислушиваясь к стуку собственного сердца. Теперь предстояло самое страшное – остаться на ночь в одном дворе со своим чудовищным преступлением. Потому, что только рано утром я смогу его достойно похоронить. Пока все ещё будут спать... Но тут же давило сомнение, рассказать всю правду хозяину сразу. Не хотелось показывать его любимого пса в таком виде. Боязнь, что он не выдержит такого удара, пугала не меньше боязни его осуждения и моего дорогого мужчины. Я боялась его потерять, что теперь он разлюбит меня. Полная потерянности...

Меня всё ещё колотило. Я уже вошла в дом, этот тёплый, пахнущий деревом и уютом дом. Здесь меня сразу встретила кошка – Ясмина. Дикая Бенгалка выбежала из просторного зала прямо в коридор и холодно мяукнула. Едва я успела разуться на коврик, мой телефон зазвонил так резко, что я подскочила на месте.

Это звонил Марк. Я ответила, и во рту у меня тут же пересохло.

– Слушаю, мой дорогой?

– Ты дома? Всё в порядке?

– Дома. – коротко и сухо ответила я.

– Нормально доехала?

– Да... Как ты там?

Марк замешкался с ответом и его тон тут же изменился:

– Ты что, плачешь?

– Нет, просто нос заложило. Я же аллергик, помнишь? –

я старалась держать голос максимально ровным.

– С чего бы ей обостриться? Ты нормально себя чувствуешь?

– Да, терпимо. Скоро пройдёт. Напомни, где лежит мясо для корма кошки?

– В подвале, там ларь морозильный. – спокойным голосом ответил Марк.

– А где там свет?

– Сразу, как заходишь – слева.

Я с ужасом тихонько выдохнула, но держалась как можно спокойнее:

– Внутри подвала? Ладно... Что ж.

– Ну да. – таким же ровным голосом ответил мой мужчина с таким тоном «ну и что здесь такого?».

– Ясно... Хорошо.

– Уже знаешь, чем займёшь себя завтра?

– Конечно, – сразу ответила я. – Подготовкой к твоей встрече: вкусный домашний обед и подготовлю баню на дровах. Я увидела там готовые поленья...

– Моя ты девочка. – мечтательно протянул Марк. – Я приеду быстрее, чем кажется. – бархатный голос Марка прозвучал

чал так близко и так болезненно далеко.

– Да, я знаю... – как можно увереннее произнесла я. – Мне уже как-то становится не по себе.

– Всё у нас хорошо. Я скоро буду. А пока отдыхай, и я тоже отправляюсь уже в свой номер. Чувствуй себя, как дома. Спокойной ночи.

– Марк, я!.. – я осеклась на половине своей мысли.

– Что такое? – он уже было собирался положить трубку, но быстро вернулся ко мне во внимание.

– Я кое-что сделала. И мне очень трудно говорить.

Настала секундная пауза.

– Скажи, как можешь. – его голос прозвучал в ожидании.

– Что случилось?

– Марк... Дозор попал под колёса. – выпалила я.

Марк сильно изменился в волнительном тоне.

– Как это произошло? Он жив?

И здесь меня захлестнула новая волна дикого страха перед правдой.

– Да, – коротко ответила я. – Он лежит здесь. Приходит в себя. Ветеринар осмотрел...

– Ничего серьёзного?

– Нет.

– А Филипп что?..

– Он ещё не знает. Боюсь, что его это очень травмирует.

– Филипп его очень любит...

– Да. Я видела, знаю. Поэтому не могу так просто сказать.

– Сама как?

– Может быть лучше.

– Прими душ и успокойся. Я приеду, как можно раньше.

Завтра, если ему не полегчает, всё равно отвези к ветеринару, ещё раз.

– Само собой.

– Выдохни. Мы исправим это.

– Да, – кивнула я. – Спасибо.

– До связи. Доброй ночи, моя «Энн».

– Доброй ночи, дорогой.

Последняя фраза стала комом в горле, а телефонный звонок прервался.

Окружённая гнетущей тишиной чужого дома, я стояла, прислонившись лбом к прохладному стеклу окна, и смотрела в непроглядную октябрьскую тьму. В окне Филиппа только, что погас свет, и в голове показалась картинка о том, как он, не дождавшись своего верного друга в полной безысходной безысходности отправляется ко сну.

«Это был несчастный случай. Ты не виновата.»

Эти мысли в голове были такими удобными... Они немного заглушали ту боль и вину, что сжирала меня изнутри. В самой глубине этого отчаяния родилось решение. Хрупкое, но единственное возможное.

Я не могу молчать. Я должна сказать ему, но и не могу привести его сюда, к телу, что лежало в машине... Нельзя позволить, чтобы его последнее воспоминание о верном дру-

ге было «таким». Поэтому Дозора необходимо было придать земле, как полагается. На рассвете.

Решение было принято, и до этого оставался долгий остаток ночи.

* * *

Марк уложил в чемодан свою последнюю футболку из шкафа гостевого номера и поставил его возле двери. Утром он выезжает в путь. Домой. Он немного постоял в раздумии, чтобы ничего не забыть и направился в душ после крайнего дня на этом рабочем объекте.

После горячего душа, Марк стоял перед зеркалом в ванной-комнате. Воздух был влажным и тёплым от пара, стекло зеркала запотело, оставив лишь небольшой прозрачный овал напротив его лица. Аккуратно причёсанные волосы и идеально гладкое лицо скрывалась за нечётким телесным изображением в отражении. Он провёл ладонью по стеклу, очищая лишь малый участок, и встретил собственный усталый взгляд. И замер.

В отражении стоял не он. Вернее, это был он, но словно проживший в диком лесу долгие годы. Волосы, обычно аккуратно подстриженные, были густыми, спутанными прядями, падающими на плечи. Щёки и подбородок покрывала густая, неухоженная борода, в которой застряли мелкие сухие листья и хвоя. Кожа под загаром выглядела грубой, обветренной, а в уголках глаз залегли глубокие морщины, пролегли не от смеха, а от постоянного напряжения. На его пле-

чах виднелась тёмная мантия с капюшоном, откинутым назад. Но самое жуткое были глаза. В них не было ни усталости, ни мысли — лишь плоская, безжизненная гладь старого озера, хранящего тысячелетние тайны.

Мужчина прирос на месте. Он инстинктивно потянулся к своему гладко выбритому подбородку, ощущая лишь гладкую кожу.

Его двойник в зеркале оставался недвижим, не повторяя жест. Странное чувство напряжения подступило к горлу.

Он хотел отступить, но не мог пошевелиться, пригвождённый к месту этим жутким зрелищем. Этот дикарь в зеркале — это я? — пронеслось в голове обезумевшей мыслью.

– Ты кто? – с неожиданностью для самого себя спросил Марк.

Его вопрос прозвучал спонтанно и нелогично даже для него самого, но это первое что выскочило вслух из его головы.

И тогда его лохматый двойник медленно поднял руку. Но не для того, чтобы повторить жест Марка. Указательный палец отражения упёрся в запотевшую поверхность зеркала с его стороны и плавно повёл по ней, оставляя за собой чистую, сухую борозду. Марк, затаив дыхание, смотрел, как на стекле проступает странный, сложный рисунок. Это был круг, сплетённый из переплетающихся линий, образующих двенадцать симметричных узлов. Символ был идеально ровным, геометрически выверенным, словно его чертил

не человек, а машина. Он выглядел одновременно древним и непостижимо технологичным. Тот самый знак, что он видел в дневниках деда, но теперь он был не на бумаге, а здесь, перед ним, рождённый его собственным, но чужим отражением.

Процесс занял не больше минуты. Когда последний узел был замкнут, отражение Марка опустило руку. Его пустой, дикий взгляд скользнул с рисунка на самого Марка, и на его лице, скрытом бородой, появилось нечто, отдалённо напоминающее улыбку — безжизненную, безрадостную гримасу, полную невыразимой печали и знания. Затем силуэт растворился, и отражение Марка приняло обычный вид, повторяя его движения.

Его инженерный ум, привыкший всё систематизировать, беспомощно буксовал перед этой необъяснимой явью. Это было послание, написанное на языке, которого он не знал, и отправленное ему из самого неподходящего места — из его собственного, искажённого судьбой отражения.

Марк ещё раз дотронулся до зеркала и провёл пальцем по рисунку. Галлюцинации? Нет. Ему не показалось. Рисунок настоящий. Мозг, всё ещё пытавшийся найти этому хоть какое-то объяснение, уже начал потихоньку сдаваться. Марк дёрнулся, и перед тем, как скорее покинуть ванную, резкими движениями растёр запотевшую поверхность круглого зеркала.

* * *

Ночью я не могла уснуть. Я боялась закрыть глаза. Поднявшись на второй этаж и расположившись в кровати Марка, я ещё долго приводила свои мысли в порядок. Дверь в комнату я оставила открытой чтобы услышать вероятное возвращение своего мужчины домой.

«Но что я ему скажу?»

С этим вопросом в голове, я и сама не заметила, как провалилась в темноту и уснула от бессилия. Беспокойно и чутко. Лишь только потому, что мой организм не выдержал напряжения.

Сон был беспокойным и тонким. Малейший звук мог его разорвать, и вскоре этот звук уже послышался.

Он донёсся из глубины первого этажа, холодный и пронзительный. Я замерла в полудрёме и прислушалась. Сердце заколотилось, отгоняя последние остатки сна.

Это была кошка и её душераздирающий неестественный крик, полный боли или дикого ужаса. Я приподнялась на локте, вслушиваясь в леденящую кровь тишину, которую вновь разрывало это жуткое мяуканье. Долгие и адские звуки из зала первого этажа, что заставляли мои волосы становиться дыбом.

И вдруг... Тишина.

Крик животного оборвался на самой высокой ноте, словно перерезанный ножом. Я затаила дыхание в ужасе, напрягая слух. И тогда послышались шаги по лестнице, что вела на второй этаж к моей спальне. Тяжёлые, мерные, неспеш-

ные. Деревянные ступени под ними тихо поскрипывали. Это был не лёгкий шаг кошки, это был шаг взрослого человека. Кто-то был в доме. Я не могла пошевелиться, не могла крикнуть, только смотрела широко раскрытыми глазами в проход. Я могла только смотреть в темноту на распахнутую дверь спальни, откуда доносились звуки.

Шаг. Скрип. Шаг. Скрип. Ближе. Ещё ближе... Шаг. Ещё один шаг... Скрип. Глухой и тяжёлый шаг. Скрип.

В дверном проёме возник силуэт. Высокий и по-спортивному сложен. Здоровый и знакомый до боли. Плечи, очертания головы и походка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.